

Социальная политика. Социальная структура

© 2019 г.

Н.Д. КОЛЕННИКОВА

СТАТУСНАЯ КОНСИСТЕНТНОСТЬ ЗАНЯТОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КОЛЕННИКОВА Нина Дмитриевна – младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (kolennikova-nina@mail.ru).

Аннотация. В статье исследуются особенности социальной стратификации занятого населения России в контексте концепции статусной consistency Г. Ленски. Проанализировано место россиян в трех статусных иерархиях (властной, экономической и квалификационной). Путем агрегирования полученных показателей вычислен интегральный социальный статус индивидов и оценена степень consistency статусов работающих россиян в целом и отдельных их подгрупп. Среди массовых слоев современного российского общества можно выделить три группы, различающиеся степенью consistency властного, экономического и квалификационного статусов их представителей, а также рассчитанными на их основе показателями интегрального социального статуса. Первая из этих групп (численность ее 72% всех работающих россиян) характеризуется наибольшим уровнем consistency статусов ее членов. Однако это негативная consistency: работники этой группы находятся преимущественно на нижних ступенях статусных иерархий и даже в случае обладания ненулевыми показателями по одной из шкал чаще всего не имеют возможности изменить свое положение к лучшему. Это, как и нахождение на нижних позициях в статусных иерархиях, объединяет, несмотря на гетерогенность ее состава, членов данной группы. Вторая (23%) и третья (5%) группы по своему составу более гомогенные, однако при этом в них отмечается снижение уровня consistency статусных позиций. Для членов каждой из них характерны, во-первых, как минимум средние позиции в отдельных статусных иерархиях, а, во-вторых, относительно высокий уровень престижности занимаемых ими позиций в целом. В то же время низкий уровень consistency позиций представителей этих групп в разных статусных иерархиях не позволяет говорить о стабильности положения большинства из них в будущем.

Ключевые слова: социальный статус • статусная consistency • социальная стратификация • социальная структура • интегральный социальный статус • статусные группы

DOI: 10.31857/S013216250007450-8

Постановка задачи и теоретико-методологический подход. В социологической науке понятие статуса является центральным при анализе социальной стратификации, поскольку статус отражает положение индивида в общественной иерархии. Однако не всякая теоретическая модель социальной структуры иерархически организована. Для содержательной интерпретации данного понятия и для рассмотрения ситуации статусной consistency, на наш взгляд, наибольшим эвристическим потенциалом обладает *многомерный подход к вертикальной стратификации*, истоки которого идут от М. Вебера и П.А. Сорокина [Вебер, 1992; Сорокин, 1992]. В контексте многомерности есть смысл говорить не просто

об абстрактном социальном статусе индивида, а о нескольких позициях в разных статусных иерархиях, формирующих в совокупности интегральный социальный статус.

Изучение статусных позиций целесообразно проводить не просто с учетом разных статусных иерархий, но и задавать достаточно широкий диапазон позиций в рамках соответствующих им вертикально структурированных шкал. Введение таких шкал дает возможность корректнее подойти к определению интегрального социального статуса индивида в конкретном обществе и взглянуть на ситуацию с основаниями неравенства в нем с учетом характерной для него степени статусной консистентности/неконсистентности.

Традиция изучения статусной консистентности имеет относительно давнюю историю. Истоки данной концепции идут от работ Л. Брума [Broom, Jones, 1977], У. Ландейкера [Landecker, 1963] и Л. Уорнера [Warner, 1949], а наиболее полное воплощение она получила в работах Г. Ленски [Ленски, 1954].

Статусную консистентность мы рассматриваем как свойство существующей социальной структуры, свидетельствующее, с одной стороны, о том, насколько совпадают или нет позиции индивида в социально значимых стратификационных измерениях, а с другой – насколько совпадают или расходятся наборы статусных характеристик представителей разных страт и слоев. В этом смысле мы придерживаемся взглядов Л. Брума: страта считается консистентной, если ее члены имеют сходные позиции в различных иерархиях, что и формирует равновесный (устойчивый, стабильный) профиль данной страты [Broom, Jones, 1977]. Такой подход к данной проблематике позволяет учитывать ее как с точки зрения конкретного индивида и его статусных позиций, так и в рамках соотношения этих позиций в социально-значимых статусных иерархиях в социальной структуре общества в целом. То есть статусная консистентность может рассматриваться на микроуровне, при анализе ситуации у конкретного индивида, и на макроуровне – при характеристике особенностей модели социальной структуры конкретного общества в целом. Особую значимость статусной консистентности для анализа типа социальной структуры отмечал и Д. Груски, в терминологии которого для обозначения данного явления использовался термин кристаллизации статусов [Grusky, 2014].

На основе изучения типов стратификационных систем и оснований дифференциации в них мы выделили три наиболее значимые для современного российского общества статусные иерархии – экономическую, квалификационную и властную. Их значимость неоднократно подтверждалась анализом российской социальной структуры¹. В каждой из этих иерархий индивид имеет определенные позиции, сопоставление которых и стало предметом нашего анализа. Оно осуществлялось в рамках объективного подхода к данной проблематике [Саблина, 2000], и хотя традицию субъективных статусных иерархий мы учитывали, они не были в центре нашего внимания.

В данной статье мы вычислили интегральный социальный статус индивида путем сложения рангов по трем статусам и оценили нормативные значения этого статуса для занятого населения в целом, а также для отдельных социальных групп². Также мы оценили уровень взаимовлияния в парах статусов и вычислили степень статусной консистентности по формуле Г. Ленски, которая в нашем исследовании приняла вид:

$$\text{Статусная консистентность} = 3 - \sqrt{\sum_{i=1}^3 (x_i - \bar{X})^2},$$

где x_i – измерение социального статуса, $\bar{X}$ – среднее арифметическое значение рангов по избранным шкалам. По Ленски, каждому индивиду, в зависимости от занимаемого в иерархии положения, присваивается коэффициент от 1 до 100 [Ленски, 2003]. В нашем случае шкалы с объективными показателями по каждому из трех статусов были унифицированы.

¹ Напр., в работах О.И. Шкаратана, В.В. Радаева, Н.Е. Тихоновой, Л.А. Беляевой, З.Т. Голенковой и др.

² Подробнее с методикой конструирования шкал для экономического, квалификационного и властного статусов можно ознакомиться в работах автора [Коленникова, 2017; 2018].

Для удобства вычисления мы трансформировали их в 3-х балльные, где показатель в 1 балл считался низким, показатель в 2 балла – средним и в 3 балла – высоким.

Показатель по формуле Ленски позволил оценить распространенность совпадения/несовпадения рангов в трех иерархиях среди разных статусных групп. Для конструирования шкалы интегрального социального статуса индивида мы просуммировали показатели экономической, квалификационной и властной шкал и затем трансформировали ее до 3-х ступенчатой в ходе укрупнения численности групп до значений, пригодных для анализа. В интегральной статусной иерархии показатели от 0 до 2 баллов свидетельствовали, что индивид занимает нижние позиции в значимых статусных иерархиях (квалификационной, властной и экономической), от 3 до 4 баллов – средние и от 5 до 9 баллов – высокие.

Эмпирической базой анализа послужили данные 26-й волны ежегодного опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ 2017 г.³ Численность подмассива работающего населения страны составила 5062 респондента.

Интегральный социальный статус работающих россиян. Средним по выборке значением интегрального социального статуса из трех возможных являлся 1 балл, что характеризует типичный социальный статус представителя массовых слоев российского общества как скорее низкий. Медиана данного показателя составила 0 баллов, модальное значение – также 0 баллов. Об этом же свидетельствует и то, что 72% занятых россиян занимают нижние позиции в интегральной статусной иерархии (табл. 1). То, что большинство работающего населения страны сосредоточено на нижних позициях статусных иерархий, согласуется с выводами исследований различных лет о том, что российское общество характеризуется резким смещением вниз статусных позиций [Тихонова, 2018].

Таблица 1

Специфика статусных позиций россиян из групп с разными показателями интегрального социального статуса (% от работающих)

Статус в иерархиях	Показатели	Интегральный социальный статус		
		низкий	средний	высокий
Экономической	0 баллов	47	4	0
	1 балл	48	63	22
	2 балла	5	33	78
Властной	0 баллов	94	60	0
	1 балл	6	26	33
	2 балла	0	14	67
Квалификационной	0 баллов	69	8	0
	1 балл	27	33	16
	2 балла	4	59	84
Доля группы в массиве		72	23	5

Примечание. Фоном в таблице выделены ячейки, значения в которых максимальны по столбцу для каждой статусной иерархии в отдельности и в сумме составляют не менее 50%.

На основании показателей интегрального социального статуса можно выделить три группы с разным положением в стратификационной иерархии. Первая, самая массовая группа (72%), характеризующаяся низкими показателями как интегрального статуса, так и низким положением во всех трех являющихся его основой статусных иерархиях.

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп». URL: <https://www.hse.ru/rlms/>.

Из-за большой численности, несмотря на схожесть места ее членов в социальной структуре, она распадается на две подгруппы, различия между которыми не столь велики, чтобы отнести хоть какую-то из них к срединным позициям в общей иерархии статусов. Одна из этих подгрупп (51% всех работающих), хотя некоторые ее члены имеют минимальный ненулевой показатель по одной из шкал, в целом характеризуется нулевыми показателями по трем рассматриваемым шкалам (59% ее состава имеют нулевой экономический статус, 98% – такие же показатели властного статуса, 85% – квалификационного). Хотя это не просто низкие, а экстремально низкие показатели во всех трех статусных иерархиях, они наиболее типичны для работающего населения нашей страны. Другая часть этой группы (21% от работающего населения) занимает более выгодные позиции: 63% состава этой группы имеют средние показатели экономического статуса, 15% находятся в середине властной статусной иерархии, 56% имеют такой же квалификационный статус. Конечно, этого недостаточно для того, чтобы считать позиции рассматриваемой подгруппы соответствующими середине интегральной статусной иерархии, поскольку для этого средними позициями в этих иерархиях должна обладать бóльшая ее часть. Однако это и не пребывание «на дне» статусной иерархии, которое характеризует первую из двух подгрупп с низким интегральным статусом.

Вторую, более малочисленную группу в рамках трехчленного деления массовых слоев населения России по месту в статусной иерархии, составляют те, чьи позиции с полным правом можно назвать средними (23%). Этот вывод основан на том, что большинство в ней обладает средними позициями в экономической статусной иерархии (63%), треть имеют сходные позиции в квалификационной статусной иерархии, а для 59% ее состава они являются даже высокими. При этом 40% представителей данной группы имеют средний или высокий властный статус.

Третью группу в иерархии социальных статусов составляют те, кто обладает высоким интегральным статусом. Это безусловное меньшинство работающих россиян из массовых слоев (5%), большинство которых имеет высокие позиции во всех трех исследуемых иерархиях, а остальные – в двух из них.

Каким же образом положение индивида в системе социально-экономических отношений, и прежде всего его профессиональные позиции, отражаются на его общем социальном статусе?

Специфика статусных групп. Для получения ответов на эти вопросы рассмотрим сначала показатели интегрального статуса в разрезе образовательных групп. Из табл. 2 видно, что низкие значения интегрального статуса характеризуют прежде всего россиян с образованием не выше среднего специального. В группах со средними и высокими показателями оказываются чаще всего индивиды, имеющие высшее образование. Чем выше положение по шкале, тем больше вероятность встретить среди его обладателей людей с высшим образованием.

Таблица 2

**Уровень образования россиян из групп с разным интегральным социальным статусом
(% от работающих)**

Уровень образования	Интегральный социальный статус			Доля группы в массиве
	низкий	средний	высокий	
Незаконченное среднее и ниже	9	1	0	7
Среднее	19	8	3	16
Среднее специальное	56	14	2	43
Высшее и поствысшее	15	76	95	34
Доля группы в массиве	72	23	5	100

Таблица 3

**Уровень образования в группах с разными значениями интегрального статуса
(% от работающих)**

Интегральный социальный статус	Уровень образования				Доля группы в массиве
	незаконченное среднее и ниже	среднее	среднее специальное	высшее и поствысшее	
Низкий	96	87	92	33	72
Средний	4	12	8	53	23
Высокий	0	1	0	14	5

Примечание. Фоном в таблице выделены ячейки, значения которых характеризуют не менее 50% группы, т.е наиболее типичны для россиян с соответствующим уровнем образования.

Однако образование хотя и способно повышать вероятность обладания более высокими статусными позициями, не делает эту вероятность стопроцентной. Как видно из табл. 3, статусные позиции более чем половины работников с дипломом о высшем образовании соответствуют середине интегральной статусной иерархии, а не ее верху. Такая ситуация обусловлена недостаточным влиянием квалификационного статуса на положение индивида в других статусных иерархиях. Статистическая проверка свидетельствует о низком взаимовлиянии квалификационного и властного статусов⁴, что важно, поскольку влияние властного статуса на экономический остается доминирующим⁵. Несмотря на то что высокие показатели квалификационного статуса способны сказываться на повышении экономического статуса⁶, без значимого административного ресурса выйти за пределы «средних»⁷ значений в интегральной статусной иерархии в современной России довольно сложно. Высокий властный статус в значимом объеме представлен относительно чаще среди тех, чьи позиции соответствуют верхушке интегральной статусной иерархии.

Рассмотрим теперь интегральный статус россиян и уровень характерной для их позиций статусной консистентности в связке с профессиональной принадлежностью индивида. При таком анализе выделяются четыре укрупненных профессиональных группы (табл. 4). Первую подгруппу образуют представители 5, 7, 8 и 9 профессиональных классов по ISCO-08⁸, которые являются преимущественно работниками физического труда или рядовыми работниками торговли и бытового обслуживания.

Вторую подгруппу образуют работники 4 класса, представители которого имеют преимущественно низкий интегральный статус, но четверть из них находится все же на средних статусных позициях и составляет одинаковую долю как среди низкостатусных, так и среди среднестатусных россиян. В нее входят представители нефизического рутинного труда, основную массу которых составляют в российских условиях работники по

⁴Несимметричный коэффициент Сомерса в группе работников с высшим образованием между властным и квалификационным статусами составил 0,019; между квалификационным и властным статусами – 0,020.

⁵Несимметричный коэффициент Сомерса в группе работников с высшим образованием между экономическим и властным статусами составил 0,192; между властным и экономическим статусами – 0,243.

⁶Несимметричный коэффициент Сомерса в группе работников с высшим образованием между экономическим и квалификационным статусами составил 0,140; между квалификационным и экономическим статусами – 0,180.

⁷Под средними в данном случае понимаются показатели экономического статуса, соответствующие середине экономической статусной иерархии.

⁸Учитывая незначительную численность в массиве квалифицированных работников сельского, лесного хозяйств и рыбоводства – 7 человек (6 класс), данные по ним в таблице не представлены. Учитывая незначительную численность в массиве представителей 0 класса (военнослужащие – 17 человек), а также тот факт, что это были в массе своей люди с дипломом о высшем образовании, данные по ним были учтены в группе специалистов с высшим образованием (2 класс).

Таблица 4

Профессиональная принадлежность по ISCO-08 членов групп с разными значениями интегрального статуса (% от работающих)

Профессиональные классы	Интегральный социальный статус			Доля группы в массиве
	низкий	средний	высокий	
Руководители (1 класс)	2	11	48	6
Профессионалы (2 класс)	11	35	27	17
Полупрофессионалы (3 класс)	17	28	18	19
Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	6	6	2	6
Работники сферы торговли и услуг (5 класс)	22	9	3	18
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7 класс)	16	6	2	13
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8 класс)	17	5	0	13
Неквалифицированные рабочие всех отраслей (9 класс)	10	1	0	7

обслуживанию разного рода погрузок и отправок товаров, включая почтовых работников. В отдельных случаях за счет, например, уровня образования (34% в этой группе имеют высшее образование) или относительно высокой ставки по заработной плате (19% имеют доход от 1,26 региональных медиан) члены данной группы могут повышать интегральный статус до средних позиций. При этом средними показателями властного статуса в этой группе обладают 14% работников, высокими – 2%. Это выше, чем среди рабочих, но значительно ниже, чем среди руководителей, профессионалов и полупрофессионалов. Таким образом, статусные позиции работников 4 класса тяготеют к «низам» интегральной статусной иерархии, чем к ее середине.

Третья и четвертая группы работающего населения страны состоят преимущественно из представителей квалифицированного нефизического труда и по профессиональному составу довольно гомогенны. При этом если основа третьей подгруппы сформирована профессионалами и полупрофессионалами, обладающими средними позициями в интегральной статусной иерархии, в четвертой группе относительно чаще встречаются руководители с высоким социальным статусом, хотя более половины состава этой группы – представители других профессиональных классов.

Интересно, что позиции в экономической и квалификационной, а также властной и экономической статусной иерархиях для представителей 1, 2 и 3 профессиональных классов при попарных оценках их связи между собой связаны сильнее, чем просто для показателей места в иерархии экономических статусов и наличия высшего образования⁹. Для работников этих классов ключевое значение в обеспечении более высокой социальной позиции имеют показатели властного статуса, а наименее значим квалификационный статус. Это подтверждает выводы, что роль квалификации и образования, если человек не является обладателем уникальной квалификации, для обладания высокой статусной позицией в современной социальной структуре российского общества в силу переизбытка специалистов с высшим образованием очень низка [Тихонова, 2017; Каравай, 2016], а роль властного статуса и административного ресурса очень высока [Аникин, 2016]. Данный факт говорит о дисбалансах, связанных с тем, что на высокие позиции властной иерархии могут попадать

⁹ Несимметричный коэффициент Сомерса для группы работников 1, 2 и 3 классов между экономическим и властным статусами составил 0,202, а между властным и экономическим статусами – 0,243; между экономическим и квалификационным статусами составил 0,254, а между квалификационным и экономическим статусами – 0,237; между квалификационным и властным статусами составил 0,046, а между властным и квалификационным статусами – 0,059.

люди, имеющие значимый ресурс социальных сетей, роль которого в обеспечении высокого положения в современной России в последние годы растет [Тихонова, 2018].

Не менее интересно и распределение позиций в интегральной статусной иерархии в зависимости от уровня дохода. Работники с низкими показателями имеют доход величиной в пределах одной региональной медианы (в среднем 20 924 руб.). Это позволяет рассматривать их как представителей низкодходных слоев населения. Для группы со средним социальным статусом характерен уровень доходов от 1 до 1,5 медиан (в среднем 34 268 руб.). При этом граница в 1,25 медианы, согласно данным отечественных исследований [Модель доходной..., 2018], отделяет среднедоходные слои от низкодходных или имеющих высокие риски оказаться в их составе. Поэтому лишь часть группы со средними показателями интегрального социального статуса обладает соответствующим уровнем дохода: их положение на интегральной шкале в некоторых случаях определяется другими характеристиками статусных позиций. Третью группу составили в основном работники с доходами от 1,5 до 2,3 медиан (в среднем 57 894 руб.) при том, что преодоление порога в 2 медианы позволяет обычно отнести индивида к относительно высокодходным слоям [Модель доходной..., 2018: 64].

Несмотря на взаимосвязь принадлежности к определенной статусной группе и уровня заработной платы, далеко не все работники с высоким интегральным социальным статусом являются и представителями высокодходных слоев – 22% среди них имеют зарплату не более 1,25 медианы доходного распределения, что вполне типично для страны. Согласно вычисленным коэффициентам, это можно объяснить высокой ролью показателей властного статуса в обеспечении высокого положения во всех трех иерархиях¹⁰.

Статусная консистентность. Рассматривая объективные показатели социальных статусов, мы предприняли попытку вычислить Индекс статусной консистентности по классической формуле Г. Ленски. С учетом градации рангов наших шкал, значения статусной консистентности располагались в пределах от 0 до 3 баллов, где 0 свидетельствовал о низкой статусной консистентности, а значения, близкие к 3, – о ее высокой степени. Для выборки в целом среднее значение данного Индекса составило 1,9, что характеризует статусную консистентность социальной структуры российского общества как скорее среднюю. Согласно Индексу Ленски, чем ниже показатель интегрального социального статуса, тем выше степень консистентности позиций человека в статусных иерархиях (у низкостатусных групп среднее значение индекса Ленски составило 2,1 при медиане 2,1; для групп со средним показателем интегрального социального статуса эти значения индекса составили 1,6 и 1,7 соответственно; для высокостатусных групп – 0,8 и 0,8 соответственно). Таким образом, чем ниже позиция человека, тем меньше у него шансов на его изменение.

Однако формула Ленски лучше «работает» не просто при анализе структуры общества в целом или на уровне макрослоев, а при сравнении степени статусной консистентности в различных группах, в частности образовательных и профессиональных (табл. 5). В первом случае наибольший уровень консистентности среди тех, чей уровень образования ниже высшего. Это свидетельствует о том, что наличие высшего образования является фактором, «задающим» две разные траектории последующей статусной мобильности. Одна из этих траекторий ведет к занятию верхних статусных позиций в интегральной статусной иерархии, другая – к зависанию в ее середине. В случае с профессиональными группами для каждой из них характерен примерно одинаковый уровень консистентности статусных позиций в пределах 1,9–2,1 баллов. Исключение – руководители, где фиксируется наименьшая статусная консистентность. Это означает, что позиция руководителя в современной России, с одной стороны, не всегда предполагает высокий уровень квалификации, а с другой – не всегда высоко оплачивается, поскольку управленческая деятельность не во всех случаях является

¹⁰ Несимметричный коэффициент Сомерса для группы работников с доходом от 1,26 медиан между экономическим и властным статусами составил 0,138, а между квалификационным и властным статусами – 0,248.

Таблица 5

Уровень статусной консистентности в образовательных и профессиональных группах
(% от работающих)

Образовательные и профессиональные группы		Индекс Ленски	
		среднее значение	медиана
Образование	Незаконченное среднее и ниже	2,0	1,9
	Среднее	2,0	2,1
	Среднее специальное	2,0	1,9
	Высшее и поствысшее	1,6	1,7
Профессиональный класс (ISCO-08)	Руководители (1 класс)	1,2	1,1
	Профессионалы (2 класс)	1,7	1,7
	Полупрофессионалы (3 класс)	1,9	1,9
	Занятые низкоквалифицированным нефизическим трудом (4 класс)	1,9	1,9
	Работники сферы торговли и услуг (5 класс)	2,0	1,9
	Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом (7 класс)	2,0	1,9
	Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы (8 класс)	2,0	2,1
	Неквалифицированные рабочие всех отраслей (9 класс)	2,0	1,9

Примечание. Светлым фоном в таблице выделены ячейки, значения в которых говорят о наименьшей статусной консистентности позиций в рамках соответствующей классификации (образовательной или профессиональной), а темным фоном – о максимальной.

для руководителя основной (особенно в небольших компаниях или у руководителей низшего звена – супервайзеров). Максимальной консистентностью статусов в разных статусных иерархиях характеризуются в России работники со средним общим образованием и рабочие, использующие физический труд, а также работающие с помощью машин и механизмов.

Выводы. Рассмотрение социальных статусов и консистентности занятого населения позволило выделить основные элементы статусной иерархии российского общества, численность соответствующих статусных групп и определить, насколько консистентны в нашей стране статусные позиции в рамках общей иерархии. По итогам анализа оказалось, что каждая из трех выделенных групп, отличающихся спецификой положения ее представителей в интегральной статусной иерархии, различается также уровнем консистентности позиций ее членов в экономической, квалификационной и властной статусных иерархиях. Наиболее многочисленна (72%) группа работающих россиян с низкими статусными позициями. Она же отличается наиболее высоким уровнем статусной консистентности. Наиболее высока консистентность статусов в составляющих ее «костяк» группах работающих россиян со средним общим образованием и рабочих механизированного труда.

Две другие группы – со средними и высокими статусными позициями в интегральной статусной иерархии – формируются из работников с более высоким уровнем общего социального престижа за счет их более высокого места в трех статусных иерархиях. По мере повышения места в интегральной статусной иерархии снижается степень статусной консистентности позиций (в среднем в 1,3 для среднестатусной и в 2,6 раза в высокостатусной группе). Это говорит о гораздо меньшей степени устойчивости положения представителей этих групп, о его большей противоречивости и о нарастающих для россиян по мере их увеличивающегося «отрыва от низов» рисках переместиться на низкие статусные позиции.

Однако у относительно слабой консистентности статусов есть и хорошая сторона: индивиды в этом случае имеют потенциальную возможность «добора статуса» на шкалах, где статусная позиция не соответствует их относительно более высокому месту в других статусных иерархиях. Статусная неконсистентность дает тем самым индивиду шанс повысить статус в зависимости от существующих каналов социальной мобильности и используемых форм «добора статусов» [Богомолова, Саблина, 1997; Саблина, 2000]. Однако эта возможность проявляется в России слабо и характеризует около четверти работающего населения. Нашей стране свойственна скорее статусная консистентность на нижних ступенях интегральной статусной иерархии, когда шансы занять более высокие статусные позиции практически отсутствуют. Высокие позиции с консистентным социальным статусом характеризуют каждого двадцатого работающего россиянина.

Решающую роль в определении места в интегральной статусной иерархии играет властный статус человека. Как свидетельствуют полученные данные, только в сочетании с высоким властным статусом индивид способен иметь и высокий интегральный социальный статус. Отчасти это связано с тем, как сильно наличие властного статуса влияет на показатели экономического статуса, а отчасти – с относительной редкостью средних, тем более – высоких позиций в иерархии властных статусов у представителей массовых слоев работающего населения России. В итоге наиболее широко распространены высокие статусные позиции в общественной иерархии среди руководителей, однако это не означает благополучия данной группы – наибольшая степень статусной неконсистентности, а, следовательно, и рисков потери статусов характеризует именно их. Прямо противоположна ситуация у операторов машин и механизмов, которые занимают в массе своей консистентные и в этом плане устойчиво низкие статусные позиции, практически не имея шансов их изменить. Представители остальных профессиональных групп характеризуются разной степенью статусной неконсистентности, опасность которой в так называемой «статусной неудовлетворенности» или «статусной фрустрации» – феномене, ведущем к маргинализации сознания и росту готовности к протестной активности [Geschwender, 1967; Jackson, Curtis, 1972].

Эти выводы перекликаются с результатами отечественных исследований, описывающих современную ситуацию в России как «негативную стабилизацию» с нарастанием недовольства своим положением [Тихонова, 2019]. С точки зрения анализа особенностей социальной структуры российского общества, в целом сложившаяся ситуация свидетельствует, что положение типичного («медианного») россиянина – отнюдь не срединная, а нижняя позиция в иерархии социальных статусов. Данный факт позволяет лучше понять природу неослабевающих дискуссий о среднем классе России, где этот класс неизменно оказывается выше середины доходного, имущественного и т.п. деления населения. Кроме того, полученные результаты говорят и о существенных дисбалансах в институтах социального воспроизводства и социальной мобильности в современном российском обществе, в значительной степени вызванных гипертрофированной ролью места россиян в общественной иерархии властного статуса, приниженной – квалификационного статуса, а главное – относительной слабостью связи их друг с другом и с экономическим статусом человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессокирная Г.П. Статусная рассогласованность сельских жителей в реформирующейся России // Социологический журнал. 2014. № 1. С. 55–71.
- Богомолова Т., Саблина С. Статусная рассогласованность как аспект социальной стратификации: Презентация классической концепции // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1997. № 10–11. С. 58–65.
- Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация / Отв. редактор С.А. Белановский. М.: Ин-т народохозяйственного прогнозирования РАН, 1992. Вып. 1. С. 19–38.
- Каравай А.В. Человеческий капитал потомственных российских рабочих // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 107–124.

- Коленникова Н.Д. Квалификационные статусы работающих россиян: иерархия и особенности распределения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 112–129.
- Коленникова Н.Д. Особенности властного статуса занятого населения современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5(141). С. 214–232.
- Коленникова Н.Д. Экономический статус занятого населения России: объективное и субъективное измерения // Вестник Института социологии. 2018. № 24. С. 76–94.
- Ленски Г. Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса // Социологический журнал. 2003. № 4. С. 126–140.
- Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н.Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018.
- Саблина С.Г. Кристаллизация статуса средних слоев в современной России // Социологический журнал. 2000. № 1/2. С. 107–118.
- Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295–425.
- Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. № 1. С. 27–47.
- Тихонова Н.Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 11–43.
- Тихонова Н.Е. Человеческий капитал профессионалов и руководителей: состояние и динамика // Вестник Института социологии. 2017. № 21. С. 140–165.
- Broom L., Jones F.L. Problematics in Stratum Consistency and Stratum Formation: an Australian Example // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 82. No. 4. P. 808–825.
- Geschwender J.A. Continuities in Theories of Status Consistency and Cognitive Dissonance // Social Forces. 1967. Vol. 46. No. 2. P. 160–171.
- Grusky D.B. Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective. New York: Routledge, 2014.
- Jackson E.F., Curtis R.F. Effects of Vertical Mobility and Status Inconsistency: a Body of Negative Evidence // American Sociological Review. 1972. Vol. 37. No. 6. P. 701–713.
- Landecker W. Class crystallization and class consciousness // American Sociological Review. 1963. Vol. 28. No. 2. P. 219–229.
- Warner W.L. Social Class in America. New York: Harper and Row, 1960.

Статья поступила: 15.07.19. Финальная версия: 09.09.19. Принята к публикации: 23.09.19.

STATUS CONSISTENCY OF THE EMPLOYED POPULATION IN MORDEN RUSSIA

KOLENNIKOVA N.D.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Nina D. KOLENNIKOVA, Junior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Ph.D. Student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia (kolennikova-nina@mail.ru).

Abstract. The article investigates the features of social stratification of the employed population of Russia in the context of the status consistency concept by G. Lenski. The author analyzes the place of Russians in the three status hierarchies (government, economic and qualifying), and then, by aggregating these parameters, the calculated integral social status of individuals are assessed along with consistency status for Russians in general and their individual subgroups. It is shown that among the mass strata of modern Russian society, there are three groups that differ in the degree of consistency of the power, economic and qualification status of their representatives, as well as in the indicators of their integral social status calculated on the basis of these statuses. The first of these three groups (numbering 72% of all working Russians) is characterized by the highest level of consistency of its members status. However, this is a negative consistency, since employees in this group are mostly at the lower levels of status hierarchies and even if they have non-zero indicators on one of the scales, they often do not have opportunity to change their position for the better. This, as well as being in the lower positions in the status hierarchies, unites, despite the heterogeneity of its composition, the members of this group. The second (23%) and third (5%) groups are more homogeneous in their composition, but at the same

time they feature lower levels of consistency of status positions. Nevertheless, with all the variety of combinations of status positions in these two groups, members of each of them are characterized, first, by at least average positions in individual status hierarchies, and secondly by a relatively high level of prestige of their positions as a whole. At the same time, the relatively low level of consistency of the positions of representatives of even these groups in different status hierarchies does not allow us to speak about stability of the situation for most of them in the future.

Keywords: social status, status consistency, status inconsistency, status crystallization, social stratification, social structure, integral social status, status groups.

REFERENCES

- Bessokirnaya G.P. (2014) Status Mismatch of Rural Population in the Reformed Russia. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1: 55–71. (In Russ.)
- Bogomolova T., Sablina S. (1997) Status Inconsistency as an Aspect of Social Stratification: Presentation of the Classical Concept. *Rubezh. Almanakh socialnykh issledovaniy* [Rubezh. The Almanac of Social Researches]. No. 10–11: 58–65. (In Russ.)
- Broom L., Jones F.L. (1977) Problematics in Stratum Consistency and Stratum Formation: an Australian Example. *American Journal of Sociology*. Vol. 82. No. 4: 808–825.
- Geschwender J.A. (1967) Continuities in Theories of Status Consistency and Cognitive Dissonance. *Social Forces*. Vol. 46. No 2: 160–171.
- Grusky D.B. (2014) *Social Stratification. Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. New York: Routledge.
- Jackson E.F., Curtis R.F. (1972) Effects of Vertical Mobility and Status Inconsistency: a Body of Negative Evidence. *American Sociological Review*. Vol. 37. No. 6: 701–713.
- Karavay A.V. (2016) Human Capital of Russian Hereditary Workers. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 107–124. (In Russ.)
- Kolennikova N.D. (2017) Characteristics of the Power Status of Employed Population in Modern Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5(141): 214–232. (In Russ.)
- Kolennikova N.D. (2018) Qualification Status of the Employed Russians: Hierarchy and Distribution Features. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6: 112–129. (In Russ.)
- Kolennikova N.D. (2018) The Economic Status of Russia's Working Population: Objective and Subjective Dimensions. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 24: 76–94. (In Russ.)
- Landecker W. (1963) Class Crystallization and Class Consciousness. *American Sociological Review*. Vol. 28. No. 2: 219–229.
- Lensky G. (2003) Status Crystallization: Nonvertical Dimension of Social Status. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4: 126–140. (In Russ.)
- Sablina S.G. (2000) Crystallization of the Status of Middle Strata in Modern Russia. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1/2: 107–118. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1992) Social Stratification and Mobility. In: Sorokin P.A. *Human Being. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat: 295–425. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2017) Human Capital of Professionals and Managers: the Condition and Dynamic. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 21: 140–165. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2018) Life Success and Social Status Factors in the Minds of Russian. *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 27: 11–43. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (ed.) (2018) *Model of Income Stratification of Russian Society: Dynamics, Factors, Cross-Country Comparisons*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2019) «Negative Stabilization» and Factors of Population Welfare Dynamics in Post-Crisis Russia. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1: 27–47. (In Russ.)
- Warner W.L. (1960) *Social Class in America*. New York: Harper and Row.
- Weber M. (1992) Class, Status, and Party. In: Belanovsky S.A. (ed.) *Social Stratification*. Moscow: In-t narodnokhozyajstvennogo prognozirovaniya RAN. Iss. 1: 19–38. (In Russ.)

Received: 15.07.19. Final version: 09.09.19. Accepted: 23.09.19.